

Д.Н. Прянишников

**Собрание статей и научных
работ**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
Д11

Д11 **Д.Н. Прянишников**
Собрание статей и научных работ: Том 1 / Д.Н. Прянишников – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 539 с.

ISBN 978-5-458-60625-7

ISBN 978-5-458-60625-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ.

8 марта 1925 г. праздновался тридцатипятилетний юбилей общественно-научной, педагогической и литературной деятельности профессора Д. Н. Прянишникова, исполнившийся в 1924 г.

Это чествование прошло с большим подъемом в многолюдном собрании, при чем за чрезвычайным обилием приветствий и за недостатком времени большая часть приветствий не могла быть прочитана.

Свыше семидесяти приветствий было получено из-за границы, в том числе от многих крупнейших научных центров и ряда корифеев научного знания, имеющих мировую известность.

В одной из своих талантливых журнальных статей Д. Н. Прянишников, описывая впечатления от поездки в Лондон для участия в конгрессе по прикладной химии 1909 г., указывает, что „всякий раз, когда, находясь за границей, участвуешь в разговоре о русских делах, то испытываешь какое-то общее чувство тяжести и невольной виновности; есть, однако, области, при переходе к которым отдыхаешь душой, это—наука, искусство и литература, где мы можем выступать на равной ноге с иностранцами (если не количественно, то качественно); тут, за именами Менделеева и Толстого чувствуешь себя спокойно и невольно в этих случаях испытываешь особую благодарность к нашим великим старцам за эту возможность опереться на них и показать собеседнику, что и у нас есть свет и тени, а не одна сплошная тьма“.

Менделеев и Толстой. Теперь это—великие имена прошлого, правда, и из прошлого освещающие пути грядущего, но в настоящее время мы можем с гордостью сознать свое достойное живое представительство на международной арене знания, и в рядах этого представительства одно из первых мест по праву принадлежит Прянишникову, который очень много потрудился в деле приобщения русской науки, в частности русского агрономического знания, к международному обмену, неоднократно активно участвуя в качестве представителя России на международных конгрессах и публикуя свои выдающиеся работы в заграничной печати.

Издание на немецком языке Германским Книгоиздательством классического курса Прянишникова „Учение об удобрении“ явилось как бы рекордным достижением в этом отношении и свидетельствует, что в лице Прянишникова русская агрономия перестала жить за счет отраженного света западно-европейской науки и начала выплачивать ей свой долг.

Являясь непосредственным учеником проф. К. А. Тимирязева в двойной степени—и по Московскому Университету и по Петровской Академии, Прянишников в полной мере является преемником и носителем лучших заветов своего маститого учителя.

В сфере научной работы Д. Н. Прянишников неустанно и широко воплощал завет Тимирязева-Буссенго: „Спрашивать мнение самого растения“, чрезвычайно изящно, глубоко и широко используя вегетационный метод, явившийся в его руках вместе с тем могучим педагогическим средством для приобщения готовящихся агрономов к самостоятельной исследовательской работе и создавший обширную школу учеников Прянишникова, которые в количестве двадцати пяти человек занимают кафедры высших учебных заведений СССР. В сфере общественно-научной деятельности Д. Н. Прянишников подобно своему учителю с неослабевающей энергией неустанно, горячо и талантливо боролся за научность и свободу высшей агрономической школы и за широкую организацию опытного исследовательского дела, никогда не упуская случая изустно и печатно делиться результатами своих работ и достижениями современного научного знания с широкими кругами агро-работников, и постоянно выдвигал как перед органами власти, так и перед широкими общественными кругами те или иные проблемы большого научно-практического значения, благоприятное разрешение которых могло бы чрезвычайно выгодно отразиться на производительности отечественного сельского хозяйства.

Один из достойных учеников Д. Н. Прянишникова, проф. И. В. Якушкин, в своем приветствии по поводу его 25-летнего юбилея в 1914 г. высказывал пожелание, чтобы *агрономические взгляды и исследования Прянишникова дождались своего синтеза* подобно тому, как это сделано им для физиологической стороны его научно-исследовательских работ в сводной работе „Единство строения белковых веществ и их превращение в растительном и животном организмах“.

Тот же И. В. Якушкин при праздновании 35-летнего юбилея Д. Н. Прянишникова в 1925 г. отметил, что *многообразные проявления таланта Прянишникова „сливаются в один общий поток, который несет в себе могучую преобразующую сельско-хозяйственную силу“* и что *„за годы революции полеводственные предложения Прянишникова приняли форму стройного плана, выявленного в веренице статей, обращенных к агрономам и населению“*.

Просмотр списка печатных работ Прянишникова показывает исключительную разносторонность тем и вопросов, в разное время трактованных автором, а непосредственное ознакомление с его печатными работами свидетельствует о неустанном расширении горизонтов охвата его интересов и о росте и развитии выдвигавшихся им идей и положений.

В ряду этих работ помимо двух диссертаций, представляющих и поныне большое научное значение, посвященных глубокому изучению белковых веществ и в свое время восторженно принятых К. А. Тимирязевым, который выступал в качестве официального оппонента при диспутах Прянишникова в Московском Университете (1896 и 1899 г.г.), имеются четыре капитальных курса, составленных автором по лекциям, систематически читавшиеся им в Тимирязевской Академии и в Московском Университете, а именно: „Частное Земледелие“, вышедшее в 1922 г. шестым изданием (716 стр.), „Учение об удобрении“, вышедшее в том

же году в пятом издании (426 стр.), „Химия растений“, Вып. 1 „Углеводы“—в 1917 г. вторым изданием (175 стр.) и Вып. 2 „Белковые вещества“, 2-е издание 1925 г. (168 стр.).

Остальное литературное достояние Д. Н. Прянишникова почти исключительно представляет собой журнальные статьи и доклады на конгрессах и съездах, частично и в ограниченном количестве издававшиеся в свое время в виде отдельных оттисков и в большинстве случаев мало доступные современникам.

Между тем громадное большинство этих статей и в настоящее время не утратили жизненного интереса и значения, а в целостном виде они могли бы составить издание исключительной ценности не только для специалистов-агрономов, но и для экономистов, натуралистов, политических деятелей, учащихся и вообще—для весьма широких кругов читателей.

Переиздание хотя бы избранной части этого обширного литературного достояния Д. Н. Прянишникова могло бы до некоторой степени явиться приближением к выполнению приведенного выше пожелания И. В. Якушкина о скорейшем синтезе агрономических взглядов и исследований Д. Н. Прянишникова.

Благодаря огпуску средств со стороны Наркомзема и Московского Губернского Земельного Отдела, является возможность в связи с исполнившимся тридцатипятилетием деятельности Д. Н. Прянишникова издать избранные его статьи и работы.

К сожалению, ограниченные материальные возможности не допускают переиздания большинства печатных трудов Д. Н. Прянишникова, а потому приходится делать отбор наиболее актуальных из числа их и характеризующих различные этапы и пути его исследовательской и общественной работы, входящие в состав настоящего издания.

Входящие в состав настоящего издания статьи и работы Д. Н. Прянишникова распадаются на два основных раздела: 1) статьи по вопросам сельско-хоз. образования, опытного дела, развития и рационализации применения удобрений и рационализации полеводства и 2) научные работы, главным образом, в сфере вопросов питания растений.

При комплектовании настоящего сборника встретилось затруднение в том отношении, что некоторые позднейшие статьи по тем или иным вопросам в известной части являлись повторением ранее написанных статей Д. Н. на те же темы. В особенности это относится за дореволюционный период к больному и жгучему в то время вопросу—о порядке подготовки преподавательского персонала для высших агрономических школ в связи с лишением последних права давать ученые степени и к вопросу о необходимости в высшей школе на ряду с учебным культивировать также и исследовательское дело, а за послереволюционный период к вопросу о правильной политике в деле снабжения населения минеральными удобрениями.

Эти вопросы в литературной работе Д. Н. Прянишникова занимали очень видное место, и при трактовке их его перо приобретало особую остроту, а его слово—особую страстность и убедительность, свидетельствуя, что эти вопросы ему особенно близки и дороги.

Принимая это во внимание и учитывая, что в большинстве подобных случаев позднейшие статьи представляют собой не дословное повторение предшествующих, но дальнейшее развитие трактуемой темы

в свете изменявшихся условий, давая дополнительную аргументацию в пользу защищаемых автором положений, а также учитывая, что без участия автора не представлялось возможным переработать соответственный материал в смысле придания ему большей компактности, а автор в виду срочности дела и условий выпуска настоящего издания не мог принять в этой работе личного участия, — редакционная комиссия признала неизбежным примириться с указанным обстоятельством и лишь в отдельных местах, представляющих почти буквальное повторение и особо оговоренных в соответственных подстрочных примечаниях от редакции, ею было допущено некоторое сокращение текста со ссылками на более подробное изложение того же вопроса в других статьях настоящего сборника.

В состав настоящего издания входит большая часть статей и работ Д. Н. Прянишникова, в том числе три приветствия на немецком и французском языках, произнесенные им в качестве представителя России в торжественных празднованиях юбилеев высших агрономических школ в Галле, Стокгольме и Жемблу. Самый факт участия русского ученого в этих праздниках европейской сел.-хоз. науки в свое время являлся своего рода историческим событием, для запечатления которого в настоящем издании помещаются эти три приветствия. Как выше указано, помимо печатаемых в настоящем сборнике статей и работ в литературном достоянии Д. Н. Прянишникова имеется еще много чрезвычайно ценного материала.

Чтобы хоть несколько облегчить интересующимся возможность использования материалов, не вошедших в настоящее издание, прилагается полный перечень всех печатных работ Д. Н. Прянишникова в хронологическом порядке.

Редакционная комиссия по изданию трудов Д. Н. Прянишникова от лица его почитателей и от лица агрономической России приносит глубокую благодарность Народному Комиссариату Земледелия РСФСР и Земельному Отделу Московского Совета за предоставление материальной возможности переиздать избранные статьи и работы Д. Н. Прянишникова, что, несомненно, явится залогом практического осуществления многих плодотворных идей автора, проникающих это издание.

Первоначальный подбор материалов и клише для настоящего сборника выполнен О. Н. Кашеваровой, ею же составлен список печатных работ Д. Н. Прянишникова; позднее в подборе клише и материалов принимал участие А. Н. Троицкий; отбор и компоновка материалов произведены проф. А. Г. Дояренко; а непосредственная редакционная работа по выпуску I тома выполнена А. П. Левицким, а II тома проф. Ф. Н. Крашенинниковым.

Члены редакционной комиссии: { *А. Г. Дояренко.*
Ф. Н. Крашенинников.
А. П. Левицкий.
А. Н. Троицкий.

Дмитрий Николаевич Прянишников.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ¹.

Д. Н. Прянишников родился 25 октября 1865 г. в Кяхте, где его отец служил в одной из наиболее известных местных торговых фирм А. М. Лушников. Рано потеряв отца (когда ему было 2¹/₂ года, а его брату всего 1 год), он остался на попечении матери, которая посвятила все свои силы на воспитание двух сыновей, задавшись целью дать им возможно полное образование, что в то время в условиях сибирской жизни представляло значительные трудности за отсутствием в Сибири высших учебных заведений и в силу отрезанности ее от коренной России, вследствие отсутствия железно-дорожной связи.

Отец Д. Н. Прянишникова был коренным сибиряком. Его ранняя смерть исключила возможность его непосредственного влияния на развитие сыновей, и это влияние могло сказаться только в силу элементов наследственности, а отчасти через посредство матери, оказавшей наибольшее влияние на воспитание детей.

Мать Д. Н-ча, Александра Федоровна, была уроженкой Пензенской губ., где она провела детство и до 15-летнего возраста обучалась в каком-то элементарном училище. Она происходила из народной среды: ее отец принадлежал к своеобразному пролетарскому классу николаевских солдат, которые, как известно, были обречены 25 лет служить в армии и в силу того часто совершенно отрывались от своего рода и племени. За какие-то провинности в отношении военной дисциплины он был сослан в Сибирь, где в это время (1856 г.) в принудительном порядке формировалось заселение Забайкальской области, и здесь был

¹ При составлении настоящего очерка в основу были положены краткие, конспективные автобиографические заметки самого Д. Н. Прянишникова и заметки, составленные с его слов его дочерью В. Д. Федоровской.

Кроме того, были использованы материалы, связанные с празднованием 25-летнего и 35-летнего юбилеев Д. Н-ча в 1914 и 1925 г.г., а именно: № 8 журнала „Вестник Сельского Хозяйства“ за 1914 г., брошюра „К юбилею проф. Д. Н. Прянишникова“, изд. того же журнала 1925 г. стр. 5—61, а отчасти полученные к этим юбилеям приветствия от различных учреждений и лиц.

На ряду с тем, автором отчасти использованы отдельные отрывочные замечания Д. Н. Прянишникова автобиографического характера, разбросанные в его статьях на страницах настоящего сборника, при чем в этих случаях, по возможности, делались соответствующие ссылки в подстрочных примечаниях.

зачислен в разряд Забайкальских казаков, будучи поселен в станице Кударинской.

С благодарностью вспоминая и оценивая роль своей матери, Д. Н. отмечал полную применимость к ней автобиографических слов Д. И. Менделеева, который запечатлел по адресу своей матери, что она „воспитывала его примером, исправляла любовью и, чтобы отдать науке, вывезла его из Сибири, тратя последние силы и средства“¹.

До семнадцатилетнего возраста Д. Н. оставался в Сибири, которая, несомненно, оказала значительное влияние на формирование его личности.

Оторванность Сибири от российских культурных и административных центров накладывала своеобразный отпечаток на весь быт, уклад жизни и на формирование особого типа сибиряков. Эта „гиблая“ страна исторически заселялась путем своеобразного отбора предприимчивых, вольных людей, которые „вольно и невольно“ оседали на ее просторах, не знавших крепостного права, барства и прочих атрибутов сильной и близкой государственной власти, систематически развращавшей все слои российского общества.

Судя по тождеству сибирского говора (особенные слова, обороты и интонация) и по совпадению многих собственных имен (названия рек, деревень, фамилий) с таковыми в северных губерниях Европ. России, можно предполагать, что основными засельщиками сибирских сельскохозяйственных районов являлись, главным образом, элементы „Новгородской вольницы“, стремившиеся уйти за пределы досягаемости от „прелестей“ строительства крепкой российской государственной власти.

По свидетельству одного из лучших знатоков Сибири конца прошлого столетия И. И. Попова², уже при въезде в Сибирь всякого свежего человека поражали „зажиточность, широкое гостеприимство, независимость крестьян, чистота и относительно культурная обстановка больших, крепких, крытых тесом или железом крестьянских изб. — Сытость и довольство сказывались и в обстановке, и в количестве голов скота, и в выносливости лошадей, тройка которых с нагруженным тарантасом легко пробегала в 2 часа перегон в 25—30 верст“. — „В Сибири жили и говорили свободнее, чем в Европейской России; общество было демократическое и самостоятельность его проявлялась ярче, чем в столицах, а в то же время в каждом купце и обывателе чувствовались самостоятельность, сознание собственного достоинства“, при этом чем дальше вглубь Сибири, тем ярче сказывались эти черты. Описывая свои первые впечатления от Сибири, тот же автор указывает, что по отзывам томичей „общественная жизнь в Иркутске проявлялась гораздо ярче, чем у них и что там даже генерал-губернаторы вынуждены равняться по обществу, а тамошние купцы—совсем европейцы, про Кяхту же и говорить не приходится, кяхтинские купцы—совсем англичане“.

Кяхта, примерно до конца прошлого столетия, представляла собой совершенно исключительное явление русского „вольного“ торгового города, „песчаной Венеции“, как иногда шутливо титуловали его в лите-

¹ Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона „Менделеев“.

² И. И. Попов. „Минувшее и пережитое“—воспоминания за 50 лет (изд. „Колос“ Ленинград 1924 г.).

ратуре, брошенного почти на границе пустыни Гоби, расположенного на стыке нескольких культур — европейской, русской, китайской, монгольской и др. и соединявшей в одном месте устойчивую европейскую культуру с бытом кочевника - номада и с тысячелетней цивилизацией Серединного царства.

„Оригинальная природа, соседство Монголии, рядом лежащий китайский поселок Маймачен, самоуправление в то время, когда его не было еще нигде в России, английская миссия, декабристы и другие политические ссыльные, иностранцы и путешественники, торговля и вся почти

Д. Н. Прянишников.
1906 г.

полуторастолетняя история Кяхты создали из нее весьма своеобразный мирок“, период наибольшего развития которого в связи с расцветом кяхтинской чайной торговли, когда она была известна во всем мире, ведя торговые дела с Лондоном и Америкой, не говоря уже о России, Китае и Средне-азиатских государствах, продолжался до проведения Сибирской магистрали с выходом ее к Тихому океану, т.-е. совпадал с годами жизни в Кяхте семьи Д. Н. Прянишникова.

Несмотря на свое пограничное положение, Кяхта не знала ни таможи, ни пограничной стражи, ни жандармов. Тон жизни в Кяхте задавали кяхтинские купцы, державшие в своих руках почти все русское чайное дело и отличавшиеся от российского именитого купечества развитием и демократизмом. Эти черты кяхтинцев явились следствием того, что им в течение ряда поколений приходилось сталкиваться с людьми

различных общественных положений, с иностранцами, учеными, путешественниками, а многие из них выросли под непосредственным влиянием декабристов и свободной русской печати.

Старые сибиряки, вообще, а кяхтинцы в особенности с редкой любовью вспоминали декабристов и Герцена, на идеях которых они воспитались.

Декабристы пробудили в Кяхтинцах интерес к политике и к общественным вопросам еще в то время, когда вся Россия была погружена в глубокий сон. В Кяхте в 50-х и 60-х годах прошлого столетия регулярно получались Герценовские „Полярная Звезда“, а потом „Колокол“, благодаря непосредственной связи через Китай с лондонской вольной русской типографией. Нелегальная литература в Кяхте не скрывалась, а напротив получение каждой новой книжки составляло общественное событие, и она служила материалом для совместного чтения и обсуждения, в которых принимали участие не только купцы со своими семьями и их служащие, но даже и местные представители власти.

Дж. Кеннан в своей известной книге о Сибири отмечает свое приятное впечатление от Кяхты и ее обитателей и в частности от личности А. М. Лушников, у которого служил отец Д. Н. Прянишникова. В Кяхте как между фирмами, так и внутри каждого дома между хозяевами и служащими и прислугой существовали простые, демократические отношения. Несмотря на богатство и культурность обстановки и широту общего уклада жизни кяхтинских богачей, приезжие крестьяне, мещане, мелкие торговцы, евреи и китайцы принимались ими приветливо, садилась за тот же стол, как если бы приехал богач, ученый или какая-нибудь начальственная „особа“. Ни семейного, ни какого-либо иного деспотизма в Кяхте совершенно не существовало. Во всех семейных праздниках богатых кяхтинских купцов принимали равноправное участие семьи их служащих и наоборот при семейных праздниках служащих и прислуги хозяева приходили их поздравлять, принимали их угощение и одаривали их подарками. Служащие, как общее правило, получали хорошие оклады, участвовали в прибылях хозяйских предприятий и легко становились пайщиками в хозяйском деле. Когда умер отец Д. Н. Прянишникова, бывший его патрон А. М. Лушников, предоставил в распоряжение его вдовы на воспитание сыновей долю участия в своем деле, что дало ей возможность поставить их на ноги, дав им прекрасное образование ¹.

Тип кяхтинца — это тип независимого предприимчивого человека, заводившего торговые и деловые связи со всеми концами мира. Гостеприимство, радушие, независимость и простота кяхтинцев были известны во всей Сибири, которая в свою очередь за своими пределами славилась теми же чертами. Таким образом, Кяхта являлась как бы ступком, центром сибирской вольности и своеобразной сибирской культуры и оставила глубокий след в науке, литературе, искусстве и в книжном деле, выдвинув из своей среды фамилии Боткиных, Белоголовых, Сабашниковых и др.

¹ Брат Д. Н. — Вал. Ник. окончил медицинский факультет, затем он работал на Черноморском побережье в Батуме, приобрел там широкую популярность и случайно был убит бандитами в 1911 г.

В своеобразной кяхтинской атмосфере протекали годы детства и отрочества Д. Н. Прянишникова. Хотя после смерти мужа мать Д. Н. переселилась из Кяхты в Иркутск, являвшийся главным культурным и административным центром всей Сибири, где у бабушки Д. Н. по отцу был собственный домик, однако, это переселение не прервало связи Д. Н. с Кяхтой и влияние кяхтинской среды на его развитие, так как в течение всего периода пребывания его семьи в Иркутске он очень часто наезжал в Кяхту и часто проводил там летние каникулы во время гимназического обучения, гостя в семье Лушниковых.

Среднее образование Д. Н. получил в иркутской классической гимназии (1876—1883 г.), которая по его собственному признанию, оставила в нем хорошие воспоминания, что для того времени являлось счастливым исключением из общего правила, так как это был период расцвета гимназического классицизма с его системой зазубнивания молодых голов бессмысленной зубрежкой грамматических правил. В данном случае, несомненно, также благоприятно сказывались своеобразные условия сибирской жизни, удаленной от недреманного ока всякого рода блюстителей российского порядка. Иркутских гимназистов того периода не подавляли латинской и греческой грамматикой и несмотря на это, а вернее именно поэтому они лучше овладевали древними языками, охотно и много читали и разучивали подлинных классиков; гимназия оставляла им время и предоставляла возможность чтения и по собственному усмотрению, и они читали много, при чем иногда брались раньше времени и за не вполне посильные для них произведения.

По указанию самого Д. Н. серьезному чтению иркутских гимназистов того периода благоприятствовало то обстоятельство, что их не отвлекало чтение ежедневных газет, так как столичные газеты в то время, при отсутствии железных дорог, доходили до Иркутска с месячным опозданием и потому не представляли особого интереса, а тем большее значение приобретали более серьезные еженедельные и особенно ежемесячные журналы, которые читались нарасхват.

Припоминая это обстоятельство в своих заметках, Д. Н. указывает, что „если учесть, насколько большую дань современные газеты отдают хронике людских пошлостей и преступлений, описываемых тем подробнее, чем они гаже, то, пожалуй, придется пожалеть, что нет больше гимназий в таком изолированном от влияния газетной пошлости положении, в каком обрелись отдаленные сибирские гимназии до проведения сибирской железной дороги“.

Особенно большое воспитательное значение для иркутских гимназистов того периода имели „Отечественные Записки“, получение каждой очередной книжки которых с нетерпением ожидалось гимназистами, например друг перед другом старавшихся захватить ее в городской библиотеке. Гимназисты рано читали Бокля, пытались брать приступом Милля, легче одолевали Спенсера.

Находясь в близких отношениях с семьей Лушниковых, Д. Н. через их посредство имел возможность знакомиться со многими произведениями нелегальной литературы того времени. В памяти Д. Н. сохранилось, между прочим, воспоминание, что проводя по обыкновению летние каникулы 1882 г. в Кяхте, он с 2 дочерьми А. М. Лушникова с увлечением читал Лассала.

Из преподавательского персонала Иркутской гимназии того периода Д. Н. с чувством особой благодарности вспоминал преподавателя истории Щеглова, который являлся горячим сибирским патриотом и развивал соответственные настроения в своих учениках, и воспитателя Неустроева, который был подлинным революционером, позднее героически запечатлевшим свои убеждения ценой жизни. Этот Неустроев организовал среди иркутских гимназистов нелегальные кружки, последовательно втягивая более посвященных из их числа в стихию революционной борьбы, а для младших организовывал кружки самообразования. Д. Н., состоя в 5—6 классах гимназии, входил в один из таких кружков, который под руководством Неустроева занимался чтением „Исторических писем“ Миртова (Лаврова). Вскоре после этого Неустроев был арестован и сослан в Якутскую область вместе с одним из наиболее активных гимназистов Фотием Губкиным, а затем трагически погиб, будучи расстрелян за то, что ударил генерал-губернатора при посещении им тюрьмы, в которой Неустроев был заключен. Этот факт взволновал весь Иркутск и произвел потрясающее впечатление на иркутских гимназистов.

В демократической Сибири, стране крестьянства, не знавшей крепостного права с его пережитками несколько по особому звучали настроения „Устоев“ и „Золотых сердец“ Златовратского, и глубокое впечатление на восприимчивые души гимназистов оставляли народнические рассказы Глеба Успенского („Трудами рук своих“) и статьи Михайловского („В перемену“). То было время тяги интеллигенции в народ, время новых настроений Толстого, время загоравшейся тихим светом антературной звезды Короленко и возраставшего осознания долга интеллигенции перед народом, когда раздавались упреки, что „многие интеллигенты по окончании высшей школы предпочитают устраивать свою судьбу на хороших окладах, уклоняясь от культурной работы в деревне в роли волостных писарей, сельских учителей и т. п.“.

Находясь под влиянием подобных настроений, Д. Н. в 1883 г. окончил гимназический курс в 17-летнем возрасте, и перед ним стал вопрос о выборе жизненной специальности в связи с поступлением в высшее учебное заведение. За отсутствием таковых в Сибири, вся его семья, т.-е. мать и его младший брат В. Н., еще не окончивший в то время гимназического курса, переселились в Москву, совершив месячное путешествие на перекладных для преодоления 5500 верст расстояния от Иркутска.

По признанию Д. Н., выбор факультета в связи с решением вопроса о роде дальнейшей деятельности представлял для него очень большие трудности. К этому времени в нем определено начало уже выявляться сознание несклонности ко всякого рода практической деятельности, которая, по его собственному выражению, „часто вынуждает людей на авось разрубать гордые узлы, а не развязывать их“, а в то же время под влиянием тогдашних настроений он мучился сомнениями относительно моральной допустимости выбора „чисто научной карьеры, к которой он чувствовал склонность, так как это являлось бы в некотором роде изменой юношеским народническим идеалам непосредственного служения народу и могло бы трактоваться в качестве стремления „устроить свою келью под елью“ (по выражению Михайловского).